

РАССКАЗЫ

АПОКАЛИПСИС СЕЙЧАС

Утром, выходя из квартиры, Петр обнаружил возле двери пакет с мусором. Он опаздывал на работу, потому лишь брезгливо отпихнул ногой нечистоты, пробормотав себе под нос проклятия и поспешил к машине во двор.

Но настроение было испорчено. И ничто не могло его больше поднять: ни утренний кофе, ни анекдоты про придурковатого начальника, имевшего обыкновение орать на подчиненных до хрипоты, швыряясь в них предметами канцелярии, ни даже свежие новости, посвященные героическому завоеванию человечеством просторов Вселенной.

Все сегодня раздражало Петра. Слушая радио, по которому передавали экстренное сообщение с Марса, где у поселенцев родился первый ребенок, первый гуманоид-марсианин, он пытался отвлечься составлением отчета, но против воли на память приходил мусор под дверью. Кто-то явно его невзлюбил, и он отчаянно соображал, кто мог это быть. Сосед ли этажом ниже, недовольный его пятничными гулянками с громкой музыкой и женскими голосами, или соседи из сто первой квартиры, которые вот уже год почему-то с ним не здоровались и, вообще, делали вид, будто он им неприятен? Впрочем, пакостить могли и жильцы из девятноста второй. Несколько лет назад у них прорвало трубу. Естественно, они были на даче, поскольку всегда нечто подобное происходит, когда дома никого нет, и затопили Петра на девятноста пять тысяч триста двадцать рублей. Никто ни в чем виноват не был, однако суд встал на сторону потерпевшего, взыскав с ответчика еще и понесенные истцом судебные издержки, после чего жильцы из девятноста второй также перестали здороваться и, вообще, всячески делали вид, что они с Петром не знакомы.

Одним словом, подозреваемых было больше, чем квартир в доме, ведь теоретически оставить мусор могли и совершенно посторонние люди. Случайно забредшие наркоманы, облюбовавшие внешнюю галерею верхнего этажа, почтальоны, работники медицинской службы, малолетняя шпана или влюбленные, спрятавшиеся в подъезде от непогоды. У Петра голова разболелась перебирать варианты, потому вечером, когда он поднялся домой и снова обнаружил пакет аккуратно придвинутым к двери, то, не найдя в себе сил для решительных действий, вновь отпихнул его в сторону, постаравшись забыть о нем навсегда.

Вскоре действие это сделалось ритуалом. Ежедневно, утром и вечером, Петр отодвигал ногой мусор, который с возмутительным постоянством возвращался обратно, приводя мужчину в неистовство. Он уже ни о чем не мог думать, кроме этого мусора и тех страшных увечий, которые бы причинил шутнику, поймав с поличным. Его продуктивность упала, что не преминул заметить начальник, который теперь распекал Пет-

Анатолий Владимирович Бимаев родился в 1987 году в пос. Солнечный Красноярского края. Образование высшее. Публиковался в журналах «Абакан», «Нева», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», «Алтай», «День и ночь», «Крещатик», «Полдень». Лауреат журнала «День и ночь» (2020) в номинации «Проза». Лауреат литературной премии им. В. П. Астафьева (2021). Член Союза писателей России. Живет в г. Абакане (Республика Хакасия).

ра на каждой планерке, оставив в покое остальных служащих. Начальник орал на него, кидаясь канцелярским ножом, словно в тире, отчего несчастному пришлось отказаться от белых рубашек. Уж слишком отчетливо на них были видны потеки крови.

— Соберись, тряпка, — воскликнул однажды по-дружески тот, неожиданно выскочив из сортира, куда Петр направлялся справить нужду, и пробил его правой под дых. — Иначе уволю, к чертовой матери.

— Будет исполнено, Николай Игоревич, — сползая по стенке, выдохнул он.

— Смотри мне! Смотри!

Дождавшись выходных, Петр решил выследить злоумышленника. Расположившись в прихожей на стуле, он чутко прислушивался к звукам на лестничной площадке. Как только где-нибудь щелкал замок или слышались чьи-то шаги, Петр тихонько подбирался к глазку и наблюдал за происходящим снаружи. Нечистоты он предвзвешенно отодвинул подальше, надеясь спровоцировать преступника на злодеяние.

За этим занятием он провел всю субботу и воскресенье, не сомкнув глаз, но так никого и не выследил. Утром же в понедельник пакет стоял на прежнем месте, под дверью Петра, источая невыносимое зловоние.

Понятное дело, после такого фиаско опять не работалось. Он еле досидел до шести, самым первым выскочил из офиса и прыгнул в машину. А по приезде домой обнаружил на доске объявлений записку:

Тварь, оставляющая у моего порога отходы!

Если ты немедленно не прекратишь этого делать, я засуну тебе руки в жопу, ублю док. Разрежу по кусочкам и спущу в унитаз. А перед этим выколю глаза, отрежу язык, воткну иголки под ногти. Ты пожалеешь, что появился на свет.

Твой искренний недоброжелатель.

Объявление было написано от руки. Сфотографировав его, Петр связался со старостой дома, которая недавно собирала у жильцов подписи по смене управляющей жилищной компании, и, слив почерк записки с почерками всех собственников квартир дома, без труда определил автора гневного обращения. Вечером, после выпуска новостей, торжественно провозглашавших, что межзвездный корабль «Скиталец-1», улетевший пять лет назад к альфе Центавра, благополучно покинул пределы Солнечной системы, он постучал к собрату по несчастью в дверь.

— Да? — послышалось грозное с той стороны.

— Это ваш сосед снизу. Я по поводу...

Замок щелкнул, дверь распахнулась, и из квартиры выскочил пузатый мужик в семейных трусах. Схватив Петра за шкирку, он заломил его правую руку за спину, видимо намереваясь претворить все свои обещания в жизнь.

— Вот, значит, кто срет в подъезде!

— Нет-нет, — поспешил объяснить свое появление Петр, — я тоже потерпевшая сторона. Мне так же, как и вам, оставляют мусор под дверью. Вот я и решил, что дело лишь выиграет, если мы объединим усилия. Скооперируемся, так сказать.

Какое-то время пузатый мужик продолжал держать Петра в своих огромных боксерских ручищах. Казалось, он разочарован и все равно побьет гостя, пусть даже тот ни в чем виноват не был. Однако в конце концов он одумался и, отпустив жертву, сделал приглашающий пройти внутрь жест.

— Ты уж извини, — говорил он, доставая из шифоньера початую бутылку водки. — Я совсем тут свихнулся. Не могу спать, не могу смотреть телевизор. Все думаю, кто в нашем подъезде так грязно шутит?

— Понимаю, — заверил Петр. — Мне эти чувства отлично знакомы.

— Ну да, разумеется. Кстати, меня зовут Виктор.

— Петр. Будем знакомы.

Они выпили и закусили. Потом выпили еще и еще. Разговор постепенно перешел в высшие эмпирии. Как можно опуститься до такой низости? И это в то время, когда люди колонизировали Луну, высадились на Марсе. Нет, что ни говори, а людская природа непостижима. У нас самый высокий уровень ВВП в мире, но преступность, алкоголизм и наркомания процветают. То и дело из окон дома напротив прыгают самоубийцы, а водители такси давят прохожих, продолжая рабочую смену как ни в чем не бывало. Понятное дело, по телевизору этого не показывают, чтобы не шокировать публику, и без того напуганную возможным существованием враждебных нам инопланетных цивилизаций. Но достаточно выйти на улицу, чтобы увидеть все своими глазами.

— Слушай, — пришла Виктору идея, — раз нас теперь двое, может, скинемся и купим камеру видеонаблюдения? К сожалению, меня сократили, и я не могу позволить себе таких крупных трат. Иначе бы давно это сделал.

— Ты прав! — воскликнул Петр. — И как только я сам до этого не додумался?

Они чокнулись и выпили еще раз. А потом заказали по Интернету нужное оборудование. Уже через час к ним в дверь позвонили. Двое монтажников в зеленых робах с фирменным логотипом компании в виде перекрещенной отвертки и разводного ключа деловито суетились в прихожей, устанавливая видеонаблюдение, пока Петр с Виктором поглощали вторую бутылку «Столичной».

— Как тебе, кстати, эти новые сверхшумные дрели? — прокричал Виктор.

— Великолепно. Говорят, они способны просверлить листовое железо толщиной в метр, заодно разрушив звуковой волной все ветхие здания в радиусе трех километров, а также вскрыв коллекторы неизведанных нефтерождений.

— Да, отечественные технологии! Вот увидишь, вскоре человечество распространится по всей Вселенной. И не только по ней. Недавно, например, ученые Челябинского космического института открыли существование параллельных миров. Со своими законами физики, периодическими элементами и формами жизни. Они утверждают, что перемещение между мирами возможно. Достаточно лишь сконструировать атомный компрессор мощностью десять в двадцать третьей степени ватт или что-то около того и создать червоточину в нити пространства.

— Так просто?

— Все гениальное просто!

Скопировав на ноутбук Виктора программное обеспечение, монтажники удалились, оставив мужчин созерцать лестничную площадку снаружи. Теперь они пили, неотрывно глядя в монитор, но на экране ничего не менялось. Моргали флуоресцентные лампы, иногда шумел проезжающий лифт, где-то хлопали двери. Потом умершая пять лет назад бабушка долго водила Петра по лесу в поисках клада, который будто бы завещала ему после смерти. Потом зазвонил будильник на сотовом.

Похмельный и невыспавшийся Петр поспешил на работу. И разумеется, переступив порог столь любезно приютившей его на ночь квартиры, он обнаружил возле двери новую партию мусора.

— Я разберусь с этим, — заверил товарища Виктор.

— Ты уверен? Может быть, мне связаться с начальником и взять отгул?

— Нет-нет, ни в коем случае. Я просмотрю запись, пока ты работаешь, и вечером у нас уже будет имя преступника.

И опять Петра ждали томительные девять часов сидения за компьютером. Подходил срок сдачи полугодового отчета, а он не мог думать ни о чем, кроме того, как вечером вцепится в горло ублюдка, кем бы он ни оказался: студентом, матерью-одиноч-

кой или чемпионом мира по боксу в полутяжелой весовой категории, и будет душить его, душить, пока тот не издохнет. Еле досидев до шести, он самым первым выбежал из офиса и, нарушив по дороге все возможные правила ПДД, включая проезд на запрещающий сигнал светофора и пересечение двойной сплошной линии, припарковал машину у дома.

Возле подъезда стояла полицейская «газель». «По нашему делу», — смекнул Петр. И не ошибся. Поднявшись на этаж Виктора, он наткнулся на собирающих вещдоки криминалистов. Они меланхолично курили, снимая со стены отпечатки пальцев, фотографируя пакет и набежавшую от него коричневатую лужицу; нехотя тыкая по углам носом, сопела грустная служебная овчарка.

Квартира была не заперта, и Петр прошел внутрь.

— А вот и он, — воскликнул Виктор при виде товарища.

Он сидел за ноутбуком вместе со следователем, худощавым, мрачным мужчиной в костюме синего цвета, и, судя по всему, показывал тому запись. Перед следователем лежал открытый блокнот, исписанный замысловатыми схемами и иероглифами.

— Ты должен это увидеть!

Петр встал позади и взглянул на экран. Поначалу на видео ничего не происходило: все тот же пустой коридор с моргающими флуоресцентными лампами. Вдруг на площадке появилась фигура. Некто в черной спортивке с накинутым на голову капюшном. И в руке у него был пакет. Поставив отходы у двери Виктора, человек спустился по лестнице, быстро пропав из обзора видеокамеры.

— Никого не напоминает? — спросил Петра следователь.

— Как будто бы нет. Никого.

— Посмотрите еще раз внимательней.

Виктор перемотал запись и включил ее заново. Петр снова уставился в ноутбук. На этот раз он старался приметить в движениях незнакомца отличительные черты, благодаря которым можно было бы установить его личность. Мерзавец немного сутулился, держа свободную руку в кармане. Его ноги шаркали по ступенькам. Видимо, предполагалось, что если бы Петр хоть раз в жизни встретил этого человека, то непременно запомнил бы. Но быть уверенным в этом на сто процентов было нельзя. Как часто мы вообще смотрим по сторонам? Мы, которые во всех подробностях можем пересказать вчерашний новостной выпуск, вряд ли припомним, кого повстречали на лестнице, возвращаясь со службы домой. Попробуй запомнить, листая при этом ленту в социальных сетях.

— Я не знаю его, — подумав, произнес Петр.

— Что ж, проедемте в отделение для дачи показаний, — вздохнул следователь.

Они вышли во двор, сели в «газель», где уже находилась команда криминалистов вместе с немецкой овчаркой. Машина медленно тронулась с места. Пропетляв по городским улицам, она вскоре заехала в массивную арку Следственного комитета. Скрипнули тормоза и рессоры, грохоча, откатилась в сторону дверь, и товарищи вышли во внутренний двор, напоминавший глубокий колодец, куда ты случайно свалился в солнечный полдень и теперь вынужден принять здесь голодную смерть.

Следователь молча провел потерпевших к лестнице в подвал. Внутри их ждал длинный сырой коридор с отвалившейся от стен штукатуркой и желтыми пятнами на потолке. Вдоль коридора шли железные двери. За одной из них мужчинам открылось тесное помещение без окон с голыми, выкрашенными в синий цвет стенами. Посреди комнаты стояли стол и два привинченных к полу металлических стула, у дальней стены — сейф. С потолка свисала пыльная лампочка.

— Будем и дальше играть в несознанку? — неожиданно зло спросил следователь, когда потерпевшие сели.

Петр с Виктором недоуменно переглянулись.

— В смысле? — переспросил Петр.

— Молчать, — проревел следователь, залепив тому пощечину. — Вопросы здесь задаю я. Решили дискредитировать «Сколково»? Инсценировать преступление, чтобы очернить перед народом славное покорение космоса? И это в то время, когда на Венере были найдены первые следы органической жизни?

Он зашел за спины товарищам. Уже в следующий миг на их запястьях шелкнули наручники. Все это произошло так стремительно, а ошеломление после неожиданной пощечины следователя и его нелепого обвинения было столь сильным, что мужчины не выказали никакого сопротивления. Только оказавшись прикованными к стульям, они поняли свое положение. Несмотря на повсеместное распространение чипов, вживляемых в каждого новорожденного и потому делающих исчезновение людей практически невозможным, случаи пропажи без вести все же часто происходили. Время от времени кто-нибудь неожиданно пропадал, и, несмотря на предпринимаемые родственниками усилия, найти человека обычно не удавалось. Его чип не подавал сигнала, свидетелей не было, жесткие диски, на которых хранились записи с камер видеонаблюдения, таинственным образом ломались. Ходили слухи, будто бы эти люди совершали тяжкие преступления против науки, за что попадали под следствие органов государственной безопасности. Об их дальнейших судьбах было ничего не известно. Вероятно, их расстреливали или приговаривали к пожизненному заключению, отправляя на каторжные работы по добыче антиматерии. Петр верил в эти истории и не верил, ужасаясь от одной мысли, что такое возможно в наше просвещенное время. Но сейчас, оказавшись в застенках Следственного комитета, он живо припомнил все, что слышал когда-либо по этому поводу, уже несколько не сомневаясь в правдивости слухов, и по телу его пробежал ледяной холодок.

— Итак, чья это была идея? — допрашивал тем временем следователь. — Состоит ли в вашей преступной группировке кто-то еще? Кто оказывал финансовую поддержку? Какую цель перед собой ставили?

— Послушайте, мы ничего такого не планировали, мы лишь хотели...

— Я знаю, чего вы хотели. Устроить вооруженный переворот. А теперь вы мне расскажете об этом сами. И желательно во всех подробностях. Да так, чтобы я ни разу не усомнился в правдивости показаний.

Замок сейфа лязгнул. Следователь принялся что-то искать, методично перебирая предметы внутри железного ящика. Звенел металл, слышались какие-то шорохи и глухие удары. Наконец все затихло. Но уже в следующий миг на головы мужчин были надеты противогазы. У Петра перехватило дыхание, когда экзекутор зажал рукой гофрированный шланг, сообщающийся с кислородом. Перед глазами поплыло, а под ногами будто бы разверзлась бездонная пропасть. Соскользнув в нее, Петр принялся стремительно падать, беспорядочно кувыркаясь в безвоздушном пространстве. Казалось, он вот-вот расшибется и сознание навеки покинет его угасающий разум, но в этот момент следователь разжал шланг. В легкие мужчины ворвалась струя кислорода. Пьянящая, как затяжка первой выкуренной сигареты.

Петр дышал до головокружения и не мог надышаться.

Тогда следователь снова передавал шланг. Это повторялось опять и опять, и так целую вечность. Петр терял сознание, переживая перед этим все муки насильственной смерти, а потом медленно воскресал, возвращаясь в устойчивый мир. Было полное ощущение, что он перенес десять казней подряд. И хуже этого не могла быть даже смерть настоящая, пусть окончательная и безвозвратная, но зато в единственном роде.

Хриплый, выворачивающий наизнанку кашель разодрал глотку пленника, когда с него наконец сняли противогаз. Кашлял и Виктор по правую руку. Похоже, он пережил ту же самую пытку, что и товарищ.

— Теперь убирайтесь, — произнес следователь. — И чтобы я этого дерьма больше не слышал. В следующий раз так легко не отделаетесь.

Вернувшись домой, товарищи сели перед ноутбуком и начали молча пить водку. Говорить ни о чем не хотелось. Да и страшно было говорить о чем-либо. Пока их не было, в квартире вполне могли установить прослушивающие устройства. От сотрудников государственной безопасности можно было ожидать всего что угодно.

Они пили с угрюмым, злобным упорством, словно на похоронах. Спешить больше им было некуда. Поднимаясь домой к Виктору, Петр машинально проверил почтовый ящик, в котором обнаружил письмо с работы. Его извещали, что с сегодняшнего дня он уволен в связи с утратой доверия. Его великодушно освобождали от обязанности отработки двухнедельного срока, обещая при этом все полагающиеся в таком случае выплаты. Письмо было составлено в доброжелательных интонациях, деликатно и вежливо, так что новость не возмутила Петра. Наоборот, он поймал себя на том, что испытывает чувство вины. Он подвел этих замечательных людей. Они рассчитывали на него, а он оказался преступником, поставив их в неловкое положение. И теперь они вынуждены делать вид, будто с ним не знакомы. Вот уж действительно щекотливая ситуация.

В два часа ночи на экране ноутбука появился человек в черном. Положив пакет у порога, он спустился по лестнице, насвистывая веселый мотивчик. Через какое-то время внизу хлопнула подъездная дверь.

— Вот ведь... — произнес Виктор, не решаясь закончить фразу.

— Да, — согласился с ним Петр.

На следующий день они продолжили пить. И через неделю они тоже пили. И через месяц. Их лица опухли и почернели, покрывшись засаленными бородами, ногти на руках стали желтыми. От них нестерпимо несло грязным телом, но сами они этого запаха не замечали. Только по искаженным в отвращении лицам продавцов да по тому, как расступалась вокруг них очередь в магазине, они могли судить о том впечатлении, какое производили на окружающих. Однако это их не беспокоило. После учиненной над ними расправы товарищей не покидало чувство глубокой апатии к происходящему, к жизни в целом. Ничто их не радовало. Даже сообщения о том, что под толщею льда спутника Юпитера Европы обнаружили рыб, умеющих решать интегральные уравнения, и что зарплаты бюджетников выросли на пятьдесят семь процентов, а пенсии проиндексировались. Они отстранились от окружающего, создав свой маленький мир, главной заботой которого было найти денег на водку и сигареты. Остальное их не касалось.

Незнакомец продолжал каждый день оставлять под дверью отходы. Он появлялся, как по часам, всегда в одно и то же время. И хотя он не делал ничего нового, просто ставил пакет и уходил, Петр с Виктором старались не пропускать этого действия. Они располагались у ноутбука, разливали водку по рюмкам, нарезали соленые огурцы. И когда хулиган, выполнив свое грязное дело, скрывался из виду, опрокидывали в себя горький, обжигающий спирт, словно микстуру, лекарство от трезвого ума и твердой памяти, в которых находиться больше им не хотелось.

— Да уж, — кряхтел Виктор, занюхивая водку корочкой хлеба.

— Вот ведь скотина, — соглашался с ним Петр.

Со временем в подъезде накапливалась целая гора нечистот. Тогда набравшись сильнее обычного, товарищи принимались выносить их к мусорным бакам. Ночью, чтобы никто этого не видел, подолгу не решаясь после взглянуть друг другу в глаза.

Наконец однажды Петр не выдержал. Увидав злоумышленника на экране, он подскочил с кресла и рванул к двери. Он выскочил из квартиры в одних трико, не потрудившись обуться. И позади себя слышал тяжелое дыхание Виктора. Не сговарива-

ясь, тот побежал вслед за ним, видимо тоже устав терпеть постоянные издевательства незнакомца, мусорного террориста, как прозвали друзья его меж собой.

Выбежав из подъезда, они осмотрелись. Темная фигура мерзавца находилась в каких-нибудь десяти метрах, освещенная электрическим фонарем. Вероятно, услышав звук сработавшего магнитного замка, он обернулся и сразу же помчался наутек, догадавшись, что эти двое по его душу. Он бежал, лавируя между припаркованными автомобилями, перекатываясь по капотам, иногда взбегая на крыши, прыгая с одного авто на другое, как профессиональный паркурщик. Менее подготовленные преследователи не могли повторить трюков злодея и потому неумолимо от него отставали, надеясь только на то, что удача изменит ему, он оступится и упадет.

Вскоре они покинули двор, устремившись вперед по пешеходному тротуару, шедшему вдоль одного из центральных проспектов города. Алкоголь, разгоняемый по телу физической нагрузкой, моментально выветрился, и преследователи смогли прибавить в темпе. Когда-то в школе Петр был лучшим бегуном параллели и теперь бывшее умение постепенно к нему возвращалось, будто не было всех этих лет сидения за компьютером в офисе, пятничных возлияний и жирных гамбургеров на обед. Он бежал, приводимый в движение злобой. Она неистово пламенела, искрилась в груди, словно двенадцативаттная батарея, поддерживающая в теле неиссякаемый заряд сил.

Вдруг над крышами домов вспыхнула огромная сфера, затопив город ослепительным белым сиянием. Этот свет был таким ярким, что лучи его просвечивали кости сквозь кожу, а тень, отбрасываемая зданиями, была темной, как червоточина.

Вдалеке мгновенно завывла сирена воздушной тревоги. Будто только и ждав этой команды, сфера померкла, как лампочка при перепаде напряжения в сети, и выстрелила пучком света в ближайшее многоэтажное здание. В ответ не раздалось ни взрыва, ни грохота ломающихся бетонных плит и перекрытий. Здание просто осыпалось, совсем как песочное, обдав округу плотным облаком пыли.

Из динамиков послышался встревоженный женский голос:

Внимание! Внимание! Внимание!

Просьба сохранять спокойствие. На планету совершено инопланетное вторжение. Силы сдерживания вооруженных сил страны приведены в полную боевую готовность. Мы обладаем всеми необходимыми ресурсами и технологиями для того, чтобы отразить нападение. Причин для паники нет.

Повторяю...

Петр и не паниковал. Он был абсолютно спокоен. На самом деле он просто не верил в происходящее. Заслонив глаза рукой, он ошарашенно глядел на инопланетный корабль, застыв на месте, как суслик под фарами автомобиля.

На горизонте в небо взвились ракеты. Желтые огоньки разгонных двигателей устремились к неопознанному летающему объекту. Но к ним навстречу от светящейся сферы тут же протянулись белые лучи-щупальца, от малейшего прикосновения которых ракеты взрывались, озаряя ночное небо вспышками фейерверка. НЛО выпускал одновременно десятки лучей во все стороны света, не давая шанса землянам. Атака заглохла. Ни одному из реактивных снарядов не удалось приблизиться к сфере на угрожающее ее безопасности расстояние. А инопланетный корабль, целый и невредимый, с триумфальной неспешностью двинулся к центру города, испепеляя на своем пути все живое.

Придя вдруг в себя, мусорный террорист побежал в сторону ближайшего двора. И Петр рванул за ним следом. Разбуженные воем сирен, на улицу повалили толпы людей, и мерзавец рассчитывал среди них затеряться.

- Окружай его, — прокричал Петр Виктору. — Обходи сбоку!
— Стой, мразь. Иначе я оторву тебе яйца!
Сыпались здания, кричали женщины, плакали дети.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ

— Эй, дружище, ты уже написал свою книгу? — крикнул мне мужик из проезжающей мимо машины.

— Нет, — оторопело произнес я, остановившись.

В первый раз в жизни я видел этого мужика. Провалился я под землю, если это не так. Я впервые видел его самого, его машину, этот день и это июльское солнце. Но он, похоже, отлично знал, кто я такой.

— Как так? — расстроился он.

— Так, — говорю. — Еще редактирую.

Загорелся зеленый, и мужик дал по газам. Вид у него при этом был предельно разочарованный. Удивительно просто. Какой-то лысеющий сорокалетний тип в майке, которого можно было заподозрить разве что в чтении инструкции по ремонту автомобиля, и вдруг спрашивает: закончил ли я писать книгу?

Я смотрел ему вслед, пока он не скрылся за поворотом, лихорадочно соображая, что нас могло связывать. Может быть, он слышал мое выступление по радио на прошлой неделе? Хотя это глупость. По радио лиц не показывают. Или он из Союза писателей? Я его там не видел, но слухами земля полнится. Возможно, он был обо мне от кого-то наслышан. Положив пакет с продуктами на лавку, я открыл на смартфоне сайт региональной писательской организации, пролистав все фотографии членов союза. Но моего нового знакомого там не было. Откуда же тогда, черт побери?

Офонаревший, я двинулся в сторону дома. И по дороге, как это уже стало привычным, мне всюду попадалось число двадцать шесть. Я видел его на рекламных щитах, на регистрационных номерах автомобилей, на цифровых табло светофоров. Казалось, вселенная хотела сообщить мне что-то важное, и я терялся в догадках, пытаюсь расшифровать послание. Было ли это знаком, предвещавшим удачу? Или, напротив, мне предстояли скорые болезни и беды? Нужно ли было срочно бежать в казино, поставив все сбережения на двойку и шесть, или же не выходить в эти дни из квартиры, опасаясь несчастного случая? Сплошные вопросы, и ни на один из них я не мог дать ответа.

Поэтому я снова начал думать о мужике. Неужели опять показалось? Очередной сбой в работе уставшего разума, измотанного бессонницей и работой? Я ведь действительно не спал несколько месяцев, а это способно свести с ума кого хочешь.

Все дело в мыслях. Лишь я ложился в кровать, как в голове с устрашающей скоростью начинали носиться обрывки мыслей. Стоило сконцентрировать внимание на одной, и она уже не отпускала меня по несколько часов кряду, настырно пробиваясь сквозь тишину, которую я пытался в себе сотворить. Остановка внутреннего диалога. Так называл это Кастанеда. Но мысли всегда были сильнее. Казалось, они приходили извне, чужие и отстраненные, подчиняясь чьей-то злой воле, вознамерившейся отправить меня в психиатрическую лечебницу. Это были воспоминания из детства, которые, как я думал, давным-давно стерлись из памяти, сюжеты прочитанных книг, недавние разговоры с друзьями, предложения из неоконченного романа. Все это принадлежало как будто бы мне, но при этом абсолютно мной не контролировалось, отчего складывалось полное ощущение, что внутри живет кто-то еще и этот кто-то без конца думает, вспоминает, анализирует. Во сне он не нуждался, поэтому его все устраивало. В этом тандеме страдал один я. И страдал не только духовно, но и физически. Утом-

ленный мозг невыносимо болел. Раньше я бы ни за что не поверил в то, что это возможно, ведь, как известно, нервных окончаний серое вещество не имело. Но лично я собственный мозг чувствовал. Ощущение, будто под черепной коробкой грецкий орех. Огромная, спазмированная, окаменелая мышца, которая отчаянно хотела расслабиться, но не могла.

Как часто, пытаясь сбежать от мыслей, я открывал глаза, с ужасом всматриваясь в приглушенные тьмой очертания спальни. Не было ни малейшей гарантии, что прямо сейчас мне не привидится нечто. Сумасшедший не знает, что спятил. Возможно, и я уже давно перешел незримую грань. Открою глаза, а там Медуза горгона с ядовитыми змеями вместо волос, от одного взгляда которой я обращусь в пускающую слюни, испражняющуюся под себя, мычащее что-то нечленораздельное статую.

В детстве я проходил через это. Мне мерещились летучие мыши на потолке и пыльные катышки величиной с мяч, медленно пересекавшие комнату, словно перекасти-поле. Сущности в виде сфер пробирались ко мне под одеяло. Они ползли вдоль тела, огибая ноги, поднимались к плечам, на мгновение замирали и начинали ползти в обратную сторону. Когда же я сдергивал с себя одеяло, под ним никого не оказывалось.

Пытаясь вспомнить, что было дальше, сознание натывается на преграду. Вместо четких образов — мутный водоворот красок и полутонов, как если бы я пытался смотреть на прошлое сквозь речную воду. И чем настойчивей желание разглядеть что-нибудь в этом потоке, тем неразборчивей видения. И вдруг я словно бы пробуждаюсь в незнакомом мне помещении. Со мною рядом какие-то дети, повсюду игрушки, на стенах рисунки с веселыми зайчиками и дружелюбными волками. Только ни детей, ни игрушки, ни рисунки на стенах этих я никогда прежде не видел. В какой-то момент ко мне подошла женщина в белом и увела в соседнюю комнату. Как долго я там находился, зачем, я не знаю, но только после этого я начал спать. Я спал как убитый. Спал круглыми сутками, вставая лишь для того, чтобы сходить в туалет и, справив нужду, изумленный непривычной сонливостью, ложился снова в кровать, тут же проваливаясь в сновидения.

Сейчас, поднимаясь по лестничным маршам домой, я вспоминал те дни чуть ли не с завистью. Сон был дверью в мир галлюцинаций. Тогда мне удалось из него выйти. Теперь я стоял перед этой же самой дверью, и она вот-вот готова была распахнуться, впустив меня в искаженную иллюзиями нереальность.

Иногда им, этим иллюзиям, почти удавалось мной овладеть.

В надежде заснуть, я в одиночестве сидел перед теликом, как вдруг почувствовал явственное присутствие внутри чужой личности. Это было весьма неприятное ощущение. Я не слышал мыслей постороннего, но отлично понимал, чего он хочет. Демон добивался того, чтобы я выбросился из окна, отчаянно пытаясь захватить управление над моим телом.

— Нет, — выдавил я из пересохшего горла.

Демон мне не ответил, но его стремление утроилось. Я же изо всех сил вцепился в подлокотники кресла, стараясь противостоять чужому желанию.

Внешне я был безмятежен. Возможно, со стороны даже могло показаться, что я вполне удовлетворен своим состоянием, получив именно то, что хотел. Внутри же меня царил непередаваемый ужас. Я боролся за каждый мускул, за каждую клетку и лейкоцит, мобилизовав всю волю. Но и демон был крайне силен. То и дело я чувствовал шедшее вдоль спины и бедер напряжение, направленное на то, чтобы поднять меня на ноги. Иногда на руках дергались пальцы, хрустели готовые вот-вот прийти в движение локти и позвонки, а по экрану включенного телевизора не переставая крутили помехи. Невероятно, но факт. Цифровые каналы выдавали сильнейшую рябь, и вместо голосов телеведущих из динамиков слышался оглушительный вой, сменяв-

шийся жутчайшим звуком, похожим на шум атмосферы Сатурна. Однажды я действительно слушал такую аудиозапись.

Судя по всему, мерзавец пытался со мной разговаривать.

— Фюююйййтьпишшшшшщииии, — кричал он нечеловеческим голосом.

— Хрен тебе, а не ци! — отвечал ему я.

— Пииисссфюююйййтьтшиии.

— Ши тебе тоже хрен, долбанный психопат!

Это продолжалось два долгих часа. И несмотря на то, что мне отчаянно хотелось воды, я так и не решился пройти на кухню. Мне казалось, что по дороге демону будет гораздо проще взять надо мною контроль. Всего несколько шагов в сторону, и конец.

Наверно, поэтому я и писал. Боролся таким образом с демонами, стараясь не выпускать их на свободу, как джинна из лампы. Писал ли я о себе? В каком-то смысле можно ответить на этот вопрос утвердительно, однако автобиографиями это все не являлось. Я и те, которые изображались мной на страницах собственных произведений, не имели с моей персоной ничего общего. Вернее сказать, они никогда не проявляли себя в этом мире. Они жили по ту сторону добра и зла, на оборотной стороне Луны, которую не освещал солнечный свет. В рассказах я выводил на первый план бессознательное, выводил тех самых демонов, пытавшихся упечь меня в клинику для душевнобольных. И их было так же много, как и голосов в моей прозе. Я мог писать стилизованные притчи, основанные на полинезийских легендах с кучей причастий, одобренных изрядной долей красотой и замысловатых метафор. А мог писать о беспринципном перегонщике автомобилей, промышлявшем на жизнь мелкоуголовным мошенничеством. Я был всеми своими героями одновременно. И в то же самое время никем из них не являлся. Это была психотерапия в самом чистом виде. Передавая бразды правления каждому демону в порядке очереди, я каким-то удивительным образом сохранял целостность личности, оберегая ее от распада.

Вот и роман, над которым я уже долгое время трудился, был ровно такой же попыткой себя сохранить. И снова между мной и альтер эго имелось мало чего общего. Мы оба работали в такси — вот, пожалуй, и все. Вымышленный персонаж пошел гораздо дальше меня. В своем патологическом стремлении к свободе, которую, по его мнению, давало такси, он бросил учебу на филологическом факультете, поскольку преподаванием литературы на жизнь все равно много не заработаешь.

Страннейший тип, если хорошенько подумать. Сам я с радостью бы бросил баранку, если бы этот мир был чуть добрее к писателям. Или вовсе, если бы не чувствовал в себе такого призвания. Хотел бы я иметь какое-нибудь теплое местечко. Работать с девяти до пяти, а по пятницам пить пиво, снимая в саунах шлюх. И чтобы обязательно карьерный рост, тринадцатая зарплата, двухмесячный отпуск, пиджачок с галстуком и все прочее. Но попробуй совместить филистерское существование и ежедневные гладиаторские бои с текстом, и вся эта идиллия рушится, как карточный домик. Для творчества нужен более гибкий график, больше досуга и желательно Средиземное море в пяти минутах от дома с собственной яхтой и камердинером.

Такси мне давно опостылело. В первые годы еще пленяла иллюзия честной, наполненной приключениями жизни, без которой начинающему писателю никуда. Но со временем это приелось. Люди рассказывали одни и те же истории, а рабочие ситуации повторялись, становясь будничными и бессодержательными. Пьяные пассажиры блевали и гадили, трезвые ездили по закладкам, ломбардам, наркологическим диспансерам и тюрьмам, психопаты угрожали электрошокерами и ножами. Я попался в ловушку: пытаюсь сбежать от рутины, в эту самую рутину и угодил. Да, я мог, проснувшись утром и выпив чашечку кофе, решить, что сегодня не самый лучший день, чтобы провести его в добыывании хлеба насущного. И наследующий день я мог также не

выйти на смену. Никто бы не стал бить тревогу, таксомоторная фирма бы не обанкротилась, ни один пассажир бы не опоздал на работу. Но рано или поздно мне все равно пришлось бы завести автомобиль и отправиться на «ночную охоту». Коммунальные счета и кредиты сами себя не оплатят. Свободная жизнь обернулась опостылевшим прозябанием на низкооплачиваемой работе, у которой я изредка крал пару часов для писательства.

Творчество, впрочем, шло в гору. Меня часто печатали, приглашали на совещания молодых литераторов. Но по факту я был просто-напросто придурковатым таксистом, который от нечего делать развлекал себя сочинением никому не нужных историй. Друзья и родственники меня не понимали, работодатели, к которым я время от времени все же приходил с резюме, смотрели на меня, как на крокодила в Аляске, а когда я случайно встречал институтских товарищей, то делал вид, что их не узнал. Некогда самая образованная страна мира более не нуждалась в писателях. Сочини ты хоть вторых «Карамазовых», твое материальное положение кардинальным образом не изменится. Разве что в худшую сторону. Да и дело не в этом. Если прежде литераторы могли себя тешить мыслью, что пером они сражаются с пошлостью, несут в мир гармонию и красоту, то теперь у нас не осталось и этого. Труд, адский труд, на который тратилась целая жизнь, проведенная в бессрочной аскезе за письменным столом, попросту никто не оценит. И это гораздо страшнее безденежья, усталости, непонимания. И сумасшествия тоже.

Возвращаясь к последнему, кажется, что одинаковые числа стали преследовать меня именно с момента начала работы над черновым вариантом романа. Сказать определеннее трудно, поскольку первое время я не придавал им значения. Подрулишь, бывало, к подъезду очередного клиента, а впереди припаркован автомобиль с цифрой двадцать шесть в номере. Потом эта же цифра попадется на рекламном щите при выезде со двора. А через тридцать минут в стоимости заказа. И так круглыми сутками. Причем бессмысленно было искать цифру самостоятельно, бросая взгляд на бампер каждой проезжающей машины. Число двадцать шесть появлялось как бы по своей воле, когда ты забывал об игре, словно ребенок, машущий рукой из подворотни. Мол, догони, если сможешь.

Я шел в библиотеку, и в гардеробе мне выдавали номерок двадцать шесть. В продуктовом отсчитывали двадцать шесть рублей сдачи. Когда бы я ни взглянул на часы, минутная стрелка была напротив числа двадцать шесть. Это число можно было найти в номере автобусных и железнодорожных билетов. То же самое касалось билетов в кино, цирк, аквапарк и билетов на «Арию». Разумеется, оно встречалось в квитанциях на уплату штрафов, налогов и государственных пошлин. Его выкрикивали ночные гуляки под окнами спальни. Оно снилось в кошмарных снах, мерещилось в причудливых очертаниях луж, облаков и стай голубей в парке.

Однажды я смотрел «Вздох» Ким Ки Дука. Про женщину, которая в отместку мужу изменяла ему с заключенным. Так вот, номер на роде преступника был 5796, но переводчик каким-то немыслимым образом ошибся и вместо девятки произнес цифру два. Получилось злополучное двадцать шесть. Признаться, я даже перемотал видео, чтобы прослышать этот момент еще раз. Думал, мне померещилось.

Вот и сейчас, поднявшись домой, я взглянул на часы и увидел опять эту цифру. Переложив в холодильник покупки, переоделся, умылся и лег на кровать в надежде, что сон меня все-таки сморит. Жена уехала на лето в деревню, и я был предоставлен себе, не боясь, что меня потревожат. Однако стоило голове коснуться подушки, как в воспаленном мозгу зароились тысячи мыслей. Я попытался отвлечься, считая овец. Представлял луг, зеленый луг с пологими холмами на горизонте, через который бежал ручеек журчащей воды, и стадо белых барашков. Левый берег был явью, правый —

символизировал мир сновидений. Нужно было перевести всех барашков с левого берега на правый, тогда бы я непременно заснул. Концентрируя все внимание на одной из пушистых зверюшек, я заставлял ее прыгать через ручей, а потом наблюдал, как она медленно брела к горизонту, постепенно исчезая вдаль, там, где небо было сиреневым, а трава изумрудной. После этого я выбирал из стада очередную овцу, заставлял прыгать через ручей и опять не спускал с нее глаз до тех самых пор, пока она не терялась из виду. Я повторял это снова и снова и мало-помалу начал задремывать. Но в этот момент за окном неспешно проехал автолюбитель с включенной на всю катушку музыкой. Басы долбили с такой отчаянной силой, что подо мной задрожала кровать. От испуга я подскочил. Мне привиделось, будто, прыгая через ручей, я оступился, рухнув в бездонную пропасть, которую скрывала под собою вода.

Я сделал усилие снова заснуть, но по телу прошла нервная дрожь. Сперва затряслись руки, затряслись едва ощутимо, как бывает с похмелья, но через пару мгновений тряска усилилась, распространившись от шеи к ногам. Ощущение, будто через мой организм пропустили электрический ток. Я был в полном сознании, но противостоять дрожи было почти невозможно. Мало того, чем-то она была даже приятна, давая телу необходимую разрядку. Однако сейчас мне не хотелось отдаваться этому состоянию. Потому, дождавшись затишья между двумя волнами приступа, я поднялся с кровати и прошел в кухню — заварить кофе.

Я пил кофе, стараясь успокоиться, обрести внутреннее равновесие. Раз уснуть не удалось, я решил сесть за роман, намереваясь выдавить из себя хотя бы несколько тысяч знаков. Но для этого требовалась душевная ясность. Не столько отчетливость мысли, сколько именно непоколебимость сознания. Оно должно было находиться у меня где-то в груди, над желудком. Только так мне удавалось погрузиться в описываемый мир. Пожалуй, механизм был схож с медитацией или непрестанной молитвой, которые я практиковал одно время в юности. Различия заключались лишь в цели. Писать в другом состоянии я не мог. Слишком много житейских проблем таил в себе окружающий мир. Кредиты, коммунальные платежи, общая неустроенность жизни. Сотни тревог, страхов, волнений. Если не отстраниться от них, они без конца лезли в голову, мешая сосредоточиться. И медитация помогала справиться с ними лучше всего.

Я закрывал глаза, делал глоток кофе, дыша при этом ровно и глубоко. «Ничто не имеет значения. Важен лишь текст», — внушал я себе, перемещая внутреннее «Я» в область груди. А сознание балансировало внутри, как канатоходец, постоянно соскальзывая из той точки, в которую я пытался его поместить. К счастью, достижение абсолютного равновесия и не требовалось. Достаточно лишь кратковременного переключения внимания, которое тут же необходимо было направить на текст, пока оно снова не расфокусировалось. Медлить было нельзя.

Потому почувствовав наконец умиротворение, я спешно направился в зал, к нотбуку, открыл «Майкрософт Офис» и, включив на телефоне любимую музыку все с той же целью выбить из головы лишние мысли, ушел в текст.

Хотя «ушел» не совсем верно. Слова! Эта знакомая любому писателю мука. Они никак не желали складываться друг вместе с другом. Слова с острыми зазубринами шипящих, слова неповоротливые и кривые, неподъемные, словно гранитные плиты, они не хотели слушаться, не хотели звучать. Я же старался довести мелодию текста до совершенства, добиваясь от каждого предложения идеального звучания.

Сначала тихая, спокойная мелодия произведения со временем должна была, подобно ручью, вбирать в себя новые смыслы, сюжетные повороты, конфликты. Ширясь и убыстряя течение, она увлекала бы за собою читателя, не давая тому возможности выбраться на берег, не давая даже шанса подумать об этом. Она бы завораживала его проносившимися мимо пейзажами, бурлением воды в глубоких стремнинах, ощу-

щением ни с чем не сравнимой радости от путешествия. Эта мелодия то растекалась бы по плато, то неожиданно срывалась бы с места, устремляясь через кипящие пороги и заваленные валежником излучины. Нельзя было допустить ни одного фальшивого слова, иначе гармония разрушалась, губя все произведение. Ради этой гармонии я редактировал текст десятки раз, ища повторы и шероховатости, вычеркивая из него лишнее, снова и снова переписывая предложения в стремлении усилить их небанальными эпитетами и сравнениями. Я доводил себя до умопомрачения этой работой, но каждое утро, садясь за роман, даже если накануне вставал из-за письменного стола удовлетворенным, находил десятки ошибок, требующих самого скрупулезного труда с напряжением всех психических сил.

Сегодня я правил главу, в которой главный герой чудом выжил, лишь случайно не взяв роковую заявку. На адрес к убийцам уехал другой, и через час его нашли за городом мертвым, с тридцатью ножевыми ранениями. Желая попасть в деревню к товарищам, преступники завладели машиной таксиста, расправившись с ним самим невероятно жестоким и дерзким в своей нелепости образом.

Но самым необъяснимым во всей этой истории было то, что она случилась на самом деле. Я действительно должен был умереть, но благодаря чьей-то воле — случая, Бога, ангела-хранителя? — остался в живых. В тот самый миг, когда диспетчер объявил по радиации заявку, с бардачка автомобиля упала иконка. Пока я ее поднимал, все было кончено. Я жил взаимы, видимо, так это и называется. Но зачем? Почему? В романе я пытался дать ответ на эти вопросы. Но их у меня, разумеется, не было. Я сидел над одним и тем же абзацем, перечитывал его раз за разом, как мантру, надеясь, что скрытый смысл вдруг откроется и я все пойму. Однако на ум приходила одна ерунда. Бог отвел от меня смерть ради какой-то тайной, но, несомненно, великой цели. Но как же тогда тот, другой? У него были жена и дети. Какая невероятная гордыня ставить себя, пусть даже невольно, выше того, кто своей жизнью продлил срок твоей? Да и кто обещал, что история эта должна обладать хоть какой-то крупинкой логики, иметь глубокое значение? Не зная устройства мира, человек во всем хочет дойти до предела ясности и простоты, но вполне может стать, что наш разум всего лишь побочный продукт эволюции, а мир вокруг непостижим. Мы отбываем жизненный срок, претерпевая многие лишения и горести, без всякой надежды на искупление, без высшего смысла, без предназначения. И тогда единственный шаг, который я должен был сделать, оставшись в живых, — навсегда уйти из такси. Покончить с низкооплачиваемым, унижительным трудом, до которого никто бы из моих бывших одноклассников юридического факультета никогда бы не опустился. Однако я не ушел. Я продолжил работать, хоть первое время мне было страшно, никто не знает, как сильно. Но иначе я рисковал навсегда лишиться возможности свободно писать. Лишиться своего никому не нужного, медленно сводящего с ума, тысячи раз мною проклятого, но тем не менее бывшего дороже самой жизни писательства.

Работа шла медленно. Я писал предложение и тут же в нем разочаровывался. Казалось, шестилетний ребенок выражает свои мысли точнее и грамотнее. Мне хотелось сразу же переписать все написанное, но я знал, что это путь в никуда. Нельзя совмещать вдохновение и редактуру, иначе ты погрязнешь в бесконечной правке и самокритике. Долгие восемь лет я не мог вылечиться от этой болезни, стремясь писать сразу же начистовую, отчего рассказы того периода получались вымученными и неживыми. Я смотрел на текст сквозь увеличительное стекло микроскопа и не видел целого. Так долго возился над отдельным предложением, что мог запросто пропустить повтор в следующем, ведь они были для меня чуть ли не двумя разными произведениями.

Наверное, это и называется творческим кризисом.

Поэтому теперь я изо всех сил старался не заикливаться на раздирающем изнутри чувстве неудовлетворенности. Главное, написать первые несколько предложений,

сдвинуть текст с мертвой точки. После этого писать становилось легче. Я стремился лишь зафиксировать мысль в общих чертах. Потом я еще к ней вернусь, и не раз. Буду снова и снова переставлять слова местами в попытке добиться гармонии, буду искать точный эпитет, вычеркивать целые абзацы или переписывать их заново. Но делать это при готовом черновике проще. Нужно только заставить себя его написать, каким бы несовершенным он ни казался. Нужно только не останавливаться.

Я провел за работой около часа. Сосредоточиться едва удавалось, уставший мозг никак не хотел складывать слова в нечто осмысленное. Я писал и, перечитывая написанное, находил кучу повторов и стилистических небрежностей. Пожалуй, сейчас их было гораздо больше, чем обычно. Гораздо больше, чем можно было позволить. «Он взглянул и увидел видневшийся вдали дом». «Он обернулся назад». «Он был таким же, как был вчера» и еще десяток гребанных «был» в пределах трех последующих строк. Каждая замеченная мной ошибка лишь убеждала во мнении, что роман никуда не годится. Да и с чего я, собственно, взял, что мое призвание быть писателем? Может быть, это всего лишь одна из форм психического нездоровья? Я внушил себе, что должен писать, внушил настолько сильно, что если проводил без этого несколько дней, меня одолевало физическое недомогание, даже боль. Из суставов выкручивало руки, а грудную клетку разрывало на части рвущимся изнутри текстом. Я умирал без этого и при всем этом писателем не был. Какое недоразумение. Какая злая насмешка судьбы. Пожертвовать всем ради иллюзии.

Внезапно перед глазами поплыло. Пространство вокруг ноутбука заволокло красным, стремительно наползавшим на светлый экран. Я встряхнул головой, и дымка рассеялась, но возвращаться к работе уже не хотелось. Бесполезно. Я слишком устал. Мне требовалось как следует выспаться, отдохнуть. Однако отдых возможен от всего что угодно, кроме писательства. Оно никогда не позволит забыть о себе. Будет неотступно стоять за спиной, постоянно напоминая о незаконченном. Как та посторонняя личность, чуть было не толкнувшая меня из окна. Может быть, это она заставляла садиться за письменный стол, диктуя свою непреклонную волю? Может быть, писательство сродни шизофрении и от него нужно лечиться? Не всем, но мне нужно?

Не в силах больше думать об этом, я вернулся на кухню. Заварил кофе, сел за стол у окна. Снаружи светило клонившееся к западу солнце, по проспекту мчались машины, торопясь прибыть в пункты своих назначений до пробок. Как хорошо, что, по крайней мере, сегодня я дома. Как всякий таксист со стажем, я дико нервничал в трафик. Утром меня сводил с ума текст, вечером — дорожные заторы, ночью — бессонница. У меня не было ни одного спокойного дня, ни одной спокойной минуты.

Не знаю почему, но я вдруг бросил взгляд на стоявший через дорогу баннер. «Нужны материалы для рекламы? Звони!» — прочитал я. И ниже номер: 26-26-26. Словно сама матрица призывала меня выйти на связь.

Я взял телефон и набрал номер.

— Да-да, Анатолий. Как ваши дела?

— Хреново, — честно произнес я, решив не ходить вокруг да около.

— Все еще продолжает мучить бессонница?

— Продолжает. Такое чувство, что я вот-вот сойду с ума. А еще эти цифры, — говорил я, глядя на баннер. — Меня всюду преследует одно и то же число. Куда бы я ни пошел, когда бы ни взглянул на часы. Можешь такое представить? Вот и сейчас смотрю на рекламный щит за окном, а на нем: 26-26-26. Еле поборол желание туда позвонить. Как знать, может быть, трубку на том конце линии взял бы сам Господь Бог и как истинный джентльмен разъяснил бы мне ситуацию. После всего, что между нами случилось, кажется, я заслужил хотя бы парочки комментариев.

Звучало это, конечно, еще бредовей, чем выглядело. Но я не боялся произвести дурного впечатления на друга. Не зря же Антон увлекался практиками Кастанеды,

тонким миром и прочей мистикой. Вся его жизнь состояла из загадок, помноженных на двое. Оставалось лишь удивляться, откуда он брал время на это. Трое детей, собственный бизнес, постоянные головняки с подрядчиками и поставщиками.

— Ничего страшного. Со мной происходит такая же хрень.

— Серьезно? — спросил я, несколько, впрочем, этому не удивившись.

— Уже несколько лет. Снится мне как-то сон, будто я смотрю на часы, а на электронном табло «10.10». И чей-то голос спрашивает: «А ты когда-нибудь видел такое?» Прикидываешь? С тех самых пор одинаковые числа меня и преследуют. Кстати, — воскликнул Антон, — на часах сейчас ровно «17.17». Посмотри, если не веришь.

Я отвел от уха сотовый. Действительно «17.17».

— И что же, дон Хуан, это все значит?

— Просто Вселенная напоминает, чтобы ты не относился к жизни слишком серьезно. Живи так, будто это все снится. И тогда с тобой действительно начнут происходить чудеса. С детства нам вдалбливают: «Не подноси руку к огню — обожжешься», «Не прыгай — сломаешь ногу», «Не свисти — денег не будет». В конце концов мы начинаем во все это верить, становясь заложниками собственных представлений о мире. А на самом деле Вселенная податлива, как пластилин. Ты когда-нибудь смотрел на ночное небо? Я имею в виду по-настоящему? Будто впервые? Это ведь черт знает что. Какие-то звезды, какой-то вакуум, какие-то протоны и электроны. И мы на огромной скорости падаем в это дерьмо! Да Вселенная просто-напросто чья-то бредовая галлюцинация. И относиться к ней нужно так же. А мы придумываем себе проблемы: «Ой, мне нечем платить за кредит», «Ой, от меня уходит жена», «Ой, сломалась моя мультиварка». Когда происходит пипец в жизни, меня не покидает ощущение, будто это всего лишь прикол. Порой даже хочется расхохотаться. По-твоему, это все не смешно?

— Пожалуй, смешно, — сказал я, вспомнив, как однажды после бессонной ночи взглянул на деревья и удивился, насколько нелепы эти создания. Огромные палки, торчащие из земли. Нужно же такое придумать.

— Вот-вот. И это только верхушка айсберга, — продолжал меня успокаивать Антон. — Вспомни теорию Большого взрыва! А параллельные миры! Ни один Наполеон из шестой палаты не выдаст большего бреда, чем тот, в атмосфере которого мы существуем всю свою жизнь. А мы ходим, уткнувшись в гаджеты, и упорно этого не замечаем. Поэтому Вселенная и посылает знаки в виде одинаковых чисел, чтобы хорошенько прочистить мозги. Она пытается разговаривать с нами, а мы не хотим ее слышать.

— Ясно, — произнес я. — И зачем все это...

— Ладно-ладно, Толян, мне пора, — вдруг спешно произнес друг. — Дети плачут. Посмотрю, что случилось.

И он положил трубку, а я продолжил сидеть, ошарашенно уставившись в окно. Удивительный человек, этот Антон. Просто золотая жила для любого писателя. Каждый раз, когда у меня был творческий ступор и я не знал, куда повернуть сюжет, я договаривался попить с ним на выходных пива, и за вечер он накидывал мне столько идей, что даже Александру Дюма, пиши он фантастику, хватило бы на добрую жизнь. Что говорить про меня, грешного, который писал по несколько рассказов в полгода.

Вот почему то и дело в моих историях появлялся загадочный персонаж, обычно друг главного героя, который подобно «Богу в машине» расставлял все по полочкам, нагоняя на читателя трансцендентной жути. «Дальнейшее молчание», — как писал Шекспир. Да у него просто не было такого просветленного товарища. Мои персонажи с легкостью рассуждали о загробной жизни, квантовой физике, проститутках, разумеется, проститутках ментальных, так, словно у них был персональный допуск в приемную Бога. Я использовал этот прием в куче произведений, в том числе и в романе,

жалая только о том, что мне не хватает таланта передать в точности характер наших бесед. С другими персонажами было все просто. Пару шестерен, приводной ремешок, и они начинали вести себя как живые. У Антона же внутри было что-то еще, и я никак не мог это нащупать, переписывая тексты, в которых он фигурировал, с особым пристрастием.

«Большой взрыв, параллельные миры, знаки в виде одинаковых чисел», — вспоминал я наш разговор, соображая, какую историю из всего этого можно сварганить. Что-нибудь безумное и смешное, чтобы у читателя снесло крышу. Чтобы сам Виктор Пелевин, прочитав мой рассказ в каком-нибудь столичном журнале, спустился со своих Гималаев, взял билет до Абакана и через сутки постучался бы ко мне в дверь с ящиком пива. А к утру мы бы уже пили с ним на брудершафт.

«Так-так, — думал я. — А что если в мире есть тайное общество, которому хорошо известно о свойствах Вселенной? И именно оно управляет всем человечеством. Конечно, не ради денег, деньги ему не нужны, а, допустим, ради энергии. Ведь совершенно понятно, что при изменении квантового пространства должна вырабатываться целая прорва дармовой энергии. И вот ей-то они и питаются, эти масоны. Хотя нет, масоны слишком избито. Пусть это будут мутанты, пережившие ядерную войну. От одного из пассажиров мне уже доводилось слышать теорию о том, что якобы в восемнадцатом веке случилась большая война, в результате которой в Сибири вымерли мамонты вместе с пальмами и теплым тропическим климатом. Дичь несусветная, но после Сорокина, что бы ты ни придумал, ничто не покажется достаточно шокирующим.

И пусть эти мутанты будут какими-нибудь птицелюдьми. Хотя нет. Про них я уже писал в своей повести о полинезийцах. Может быть, звероящеры? Рептилоиды? Точно! И как всякие уважающие себя пресмыкающиеся пусть они живут под землей, тайно управляя правительством, СМИ, Саддамом Хусейном и женским климатом».

Я подскочил с табуретки. Это нужно было записать, пока я ничего не забыл. В моем состоянии немудрено проснуться на следующий день с полностью отформатированной памятью. Девственной, как у младенца.

Плеснув в кружку с недопитым кофе воды, я снова побежал в зал, к ноутбуку. Боже, как давно я так не писал... Наверное, с юности, когда текст лился из меня сам собой, не встречая ни малейшего противодействия самокритики. Вот в рассказе появилось двое попутчиков, они ехали в Красноярск на машине, и пассажир нес водителю весь этот бред. О Николе Тесла, добывавшем энергию из эфира, о море, некогда плескавшемся на территории современной Хакасии, об атомной войне. А главный герой верил ему и не верил. Я и сам не знал, где была правда, где вымысел. Я работал, как одержимый, чувствуя, как по рукам начинала распространяться нервная дрожь. Я же пытался ее обогнать, прийти к финишу раньше, чем она мной завладеет. И это давало некий психологический эффект. Соревнуясь со временем, я переставал обращать внимания на мелкие погрешности текста, записывая все, что приходило на ум.

Я написал полстраницы, как вдруг чья-то тень промелькнула на краю зрения. Ощущение чужого присутствия было столь явственным, что по телу прошел ветерок, как если бы кто-то действительно зашел мне за спину.

Выдернув наушники из ушей, я обернулся, ожидая увидеть чудовище: Франкенштейна, Дракулу, демона из преисподней. Я был готов ко всему. Сердце в груди стучало, словно таран. Еще немного, и оно бы сломало мне ребра.

Я обернулся, но за спиной никого не было.

Совсем никого.